

Издание организовано в 1974 г.

В сборнике рассматриваются вопросы интенсификации социалистического воспроизводства, развития АПК, активизации человеческого фактора, анализируются некоторые проблемы государственно-монополистического капитализма.

Для преподавателей политической экономии, научных сотрудников, аспирантов. Может быть использован студентами экономических факультетов вузов, пропагандистами и слушателями системы экономического образования, народных университетов.

Редакционная коллегия:

С. Е. Янченко (главный редактор), *В. А. Кулаженко* (заместитель главного редактора), *Н. И. Базылев* (заместитель главного редактора), *М. В. Сакович* (ответственный секретарь), *В. А. Аргюх*, *В. Ф. Бондарев*, *Г. В. Грек*, *Л. А. Дыленок*, *М. И. Плотницкий*, *И. Д. Прохоренко*, *А. Е. Разумов*, *В. С. Середа*, *В. Т. Смирнов*, *З. М. Юк*

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Межведомственный сборник

Выпуск 17

Заведующий редакцией *Г. Г. Ануфриев*
Редактор *А. В. Аникеев*
Младший редактор *С. М. Смирнов*
Художественный редактор *С. В. Баленок*
Технический редактор *В. П. Безбородова*
Корректор *Л. Н. Макейчик*

ИБ № 1343

Сдано в набор 19.10.88. Подписано в печать 25.07.89. АТ 06331. Формат 84x108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,02. Уч.-изд. л. 7,48. Тираж 2560 экз. Заказ 1937. Цена 45 к.

Издательство «Университетское» Госкомиздата БССР, 220048, Минск, пр. Машерова, 11. Типография «Победа». 222310, Молодечно, ул. Тавлая, 11.

П 0602000000 — 065
М-317(03) — 89 66 — 89

© Издательство «Университетское», 1989

П. С. Лемещенко, канд. экон. наук

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАДИКАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Ни одна социальная система, ни один способ производства не могут успешно развиваться без опоры на науку, которая в настоящее время приобрела статус непосредственной производительной силы. В социалистическом обществе еще более усиливается это возрастающее значение науки: как в целом, так и теоретического фундамента нового строя — политической экономии. Начавшийся процесс обновления и перестройки высветил ряд исследовательских и практических проблем, среди которых, как отмечалось на XIX Всесоюзной конференции КПСС, принципиальное значение придается созданию современной концепции социализма и «теоретическому приращению перестройки»¹.

Политическая экономия социализма отражает очень сложный предмет исследования — противоречивую систему умноженных и усложненных производственных отношений*. Поэтому перед учеными чрезвычайно остро встает вопрос об основательности их выводов и рекомендаций. Ориентир же научности при этом дает критический анализ буржуазной и мелкобуржуазной политической экономии, нахождения источника развития социалистического общества. А это можно сделать лишь при классовой оценке действительности, с позиций того передового

* Проходившая в журнале «Экономические науки» дискуссия о предмете и роли политической экономии социализма актуализировала эту проблему и обнажила новые моменты. Общий ее итог — производственные отношения следует изучать в тесной связи с производительными силами. На наш взгляд, такая связь будет реальной, если учитывать известное, но вместе с тем зачастую предающееся забвению положение о том, что производственные отношения — это общественная форма производительных сил. Следовательно, предметом политической экономии социализма являются не только производственные отношения, но и их формы существования.

класса, который определяет социальный прогресс и создает основную массу народного богатства.

К сожалению, можно констатировать, что такой критический анализ, блестяще выполненный К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Капитале», заканчивается произведениями В. И. Ленина. Наши ученые перестали отвечать на вопросы: кому, для чего, в чьих интересах служит та или иная точка зрения? Кое-кто полагает, что для подтверждения своего марксистского мировоззрения вполне достаточно проживать в СССР или же иметь партийный билет.

Отсутствие социально-классовой направленности в анализе реальности привело к тому, что многие авторы включились по существу в беспредметный и схоластический спор, не задевая при этом ничьих интересов. «Идея», — подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, — неизменно посрамляет себя, как только она отделяется от „интереса”². Практика же настоятельно требует ответа на выстраданный ею вопрос: «Как обеспечить реальное сочетание в народном хозяйстве различных групп и уровней интересов?»

Нередко ученые даже в условиях нынешних кардинальных перемен, подстраиваясь к духу времени, сознательно или неосознанно путают актуальность с конъюнктурой, выдавая далеко не лучшие комментарии экономической политики за образцы научных работ. В результате падает социальный престиж политической экономии, так как, не зная общество, в котором мы живем и работаем³, невозможно определить не только стратегию, но даже тактику развития. Поэтому значительные усилия и ресурсы общества потребуются на изменение зигзагов истории, на преобразование того, что уже было сделано не лучшим образом. Примеров тому, мы, к сожалению, знаем немало.

Являясь теоретической основой экономической политики, наша наука раскрывает законы и закономерности развития социалистических производственных отношений не в чистом виде, а через последовательную смену их форм, влияющих на повышение эффективности общественного производства. Поэтому она должна идти как бы впереди принимаемых решений, высвечивая проблемы и перспективы социального прогресса, его движущие силы, его противоречия, пути их разрешения, разделяя всю полноту ответственности за предлагаемые теоретические предложения.

В. И. Ленин писал: «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы. А наткаться слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность»⁴. Исходя из этого методологического положения о соотношении науки и практики, можно заранее предсказать отрицательный результат скоропалительным усилиям тех хозяйственных руководителей, которые на сегодняшний день без концептуальной основы пытаются решить, например, проблему пропорциональности и сбалансированности отрасли, региона, народного хозяйства в целом.

Не давая в принципе ответа ни на один утилитарный вопрос, политэкономия не просто обогащает практику, а через познание действительности во всех взаимосвязях переплавляет, выкристаллизовывает хозяйственный опыт посредством соответствующей системы категорий. А они выражают реальные производственные отношения. Этот процесс познания сложен и противоречив, однако лишь он дает возможность представить эти явления хозяйственной жизни в виде, свободном от наслоений, «примесей» богатого мира действительности. Такой анализ явлений дает возможность исследователю не затеряться в изломах истории «и сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу к социализму, которая нам, естественно, представляется прямой, и мы должны ее представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец, — в жизни она никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной»⁵.

Справедливости ради надо отметить, что интерес к политэкономии как у руководителей разного ранга, так и у широких народных масс за годы перестройки значительно вырос. Возникла острая потребность критически оценить прошлое, выявить проблемы настоящего, со знанием дела заглянуть в будущее. Заметные успехи достигнуты в разработке вопросов распределительных отношений, теории планирования (внутризаводское, региональное, отраслевое), в методологии, в анализе природы интересов и др. Ряд таких проблем, например реализация общественной собственности, систематизация и взаимодействие экономических законов, развитие хозрасчета, диалектика производительных сил и производственных отношений и другие, уже получили верное направление

в исследовании, что весьма важно для науки. Однако наши коллеги верно констатируют, что на сегодняшний день у нас остается больше нерешенных вопросов, чем вполне выясненных.

Как ни парадоксально, но причина недостаточного уровня развития политико-экономической теории заключается в хозяйственной практике, которая отвергала долгое время глубокие и фундаментальные знания. Она предпочитала двигаться как бы с закрытыми глазами, что, мы сегодня знаем, не всегда было поступательным движением вперед.

Здесь, вероятно, сказывается смещение функций различных структурных уровней руководства народным хозяйством, попытка решать неотложные задачи волевыми методами, в надежде на интуицию, на авось. Ведь критерием эффективности управленческого труда до сих пор считается не конечный результат, а быстрая реакция на инструкцию количеством мероприятий. Поэтому даже хорошим идеям было трудно найти своего адресата. В докладе на XIX партийной конференции М. С. Горбачев отмечал: «Наука не была включена в необходимой мере в общую плановую систему как неотъемлемый компонент, без которого невозможны разработка и осуществление социально-экономической политики. ...Невостребованная наука рано или поздно умирает, а практика при таком отношении к научному знанию становится слепой и хиреет»⁶.

Не способствует поднятию престижа ученых отсутствие у них ответственности за «качество» своей продукции, узкая специализация в политэкономии, а также невозможность установить творца той или иной идеи, нашедшей свое практическое применение. Кто, например, автор идеи создания совнархозов и их отмены, ликвидации личного подсобного хозяйства, а теперь обsolesания его развития? Мы знаем теоретиков физики, биологии, химии и других естественных наук. Но во всем обществоведении не выделилась столь заметная фигура, которая бы была известна не только специалистам, но и широким народным массам. К тому же политическая экономия, пожалуй, единственная отрасль знания, которая не имеет своего института, как и соответствующего журнала⁷. Таким образом, недостаточно высокий уровень теоретических разработок, с одной стороны, и отсутствие потребности в них, с другой, подтолкнули к хозяйствованию (что в общенародном масштабе недопус-

тимо) методом проб и ошибок или, как это называлось, экспериментов*.

Разрыв политико-экономических концепций и практики социалистического строительства наметился еще в первые годы Советской власти. Тогда, во-первых, тяжелые условия гражданской войны и иностранной интервенции резко снизили научно-производственный потенциал страны, были нарушены все хозяйственные связи и отношения между предприятиями, внутри их, между регионами. Во-вторых, выделившись в самостоятельную отрасль, политэкономия, как и всякие другие науки, может развиваться независимо, по своим внутренним законам, в отрыве от того, чему призвана служить. Так и получилось, что она стала терять научность, уходя вперед практики, ибо без этого критерия истины уже нельзя проверять теоретические выводы.

Условием же диалектической взаимосвязи здесь должен быть последовательный перевод категорий с одного уровня абстракции на другой до такой степени определенности и полноты, когда возможно применение выводов и предположений различными иерархическими ступенями руководства. В настоящее время многие верные теоретические положения теряют свою силу именно из-за своей слабой конкретизации. Кстати, по этой же причине оказываются неплодотворными дискуссии. В споре ученые применяют понятия разного уровня абстракции, поэтому не понимают друг друга**.

Для успешного решения политэкономических проблем и практических задач необходимо организационное единство научных сил, аккумуляция новых идей, свободное владение достоверной информацией и обмен мнениями в печати, на конференциях и т. п. Подчеркивая все эти обстоятельства, нельзя не остановиться на наших внутренних проблемах, решение которых не терпит отлагательств.

* Известный экономист Д. М. Кейнс писал: «...идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать... Люди практики, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого» (Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 458).

** Особенно очевидно это проявляется в дискуссии о взаимодействии товарно-денежных и непосредственно общественных отношений.

Прежде всего, как отмечалось в докладе М. С. Горбачева на XIX партийной конференции, «общество, идущее к своему качественно новому состоянию, нуждается в целостной концепции развития... в выработке научно обоснованных перспектив»⁸. Сейчас даже фундаментальные работы пока не могут дать ответа на главные вопросы теории и практики: как на социалистической основе создать более мощные, чем при капитализме, стимулы социального прогресса, как на базе общественной собственности «наиболее эффективно соединить плановое руководство с интересами личности и коллектива»⁹, каким образом будет осуществляться переход от одной ступени развития социалистического общества к другой и какие это ступени?

Обычно при ответе на эти сложнейшие вопросы указывают на необходимость проведения радикальной экономической реформы, внедрения подлинного хозрасчета и самофинансирования, демократизации общества и создания человеку условий проявления чувства хозяина. Здесь в правильном в общем ответе одно неизвестное выражается совокупностью многих других, которые нужно еще исследовать. Попытка же раскрыть содержание категории хозрасчета привела к появлению целой серии новых понятий: полный хозрасчет, подлинный, первая его модель, вторая, третья. Этот ряд, как видим, не закончен, да и количество еще не может заменить качества определения понятия «хозрасчет».

Где же ключ к разгадке? На наш взгляд, прежде всего в преодолении методологической односторонности, которая устойчиво и широко проникла в политэкономии социализма. Кратко суть в том, что из многообразной системы отношений человеческой деятельности берется как предмет исследования лишь часть из них — отношения по поводу труда и материального продукта. На практике это вылилось в стихийное и неровное развитие науки, которая вступила в острое противоречие с производством, в серьезные проблемы, накопившиеся в системе образования, здравоохранения, а также в крайне неудовлетворительное состояние сферы услуг*.

* В общем объеме товарооборота в 1987 г. все платные услуги населению составили лишь 12,1%, а бытовые — лишь 3,5%. Эти показатели будут еще ниже, если учесть платные услуги, которые выполняются для предприятий и учреждений, но засчитываются в выполнение плана как услуги населению.

Такая методологическая односторонность привела к тому, что сама наука, по существу, оказалась без своего категориального аппарата. Странно, но имея своим предметом исследования совершенно иное общественное устройство, а следовательно, и многообразие явлений, политэкономия социализма для их выражения пытается приспособить категории из исследований предшествующего способа производства. Такая ситуация позволяет описательно, на поверхностном уровне лишь коснуться возникающих новых экономических явлений. Не раскрыв же содержания и сущности производственного отношения, невозможно, следовательно, и «нащупать» форму его использования. Примеров тому немало, но ярчайшие из них — многочисленные предложения по регулированию цен в целом и розничных в частности. Иногда и старое содержание отношений облачают в новые формы, такие как, например, «индивидуальная трудовая деятельность», «кооператив». Не удивительно, что здесь столько было путаницы с налогообложением.

Определенный «срез» нового, безусловно, не остается за пределами внимания самостоятельных или смежных наук. Но использование политэкономией этих выводов неходится, к сожалению, лишь в зародышевой форме.

Надо учитывать выход производительных сил на принципиально иной уровень развития, изменение под влиянием НТР содержания и характера труда, новое место человека и его многообразной деятельности в структуре системы общественных отношений. Современный процесс производства (от добычи сырья до конечного распределения продукции) все более передается машинам и автоматам, а сами люди во все большей степени переключаются на такие роды занятий, как наука, образование, услуги, обработка, анализ и передача информации, планирование, управление, контроль и т. п.*

В современном мире создание материальных ценностей выступает далеко не главным показателем богатства той или иной страны. Однако вот как это раскрывается в учебных пособиях, претендующих на новое экономическое

* Предполагается, что к 2000 г. роботы в западных странах вытеснят 75% занятой сегодня рабочей силы, в США «вторая промышленная революция» изменит в ближайшем будущем характер труда около 50 млн рабочих и служащих. К 2000 г. здесь будет автоматизировано 80% всех ручных операций (см.: Вопр. философии. 1988. № 6. С. 132).

мышление. «Общественное богатство, — читаем в одном из них, — это накопленные продукты труда: орудия производства, запасы добытых сырья и материалов, здания и сооружения производственного и непроизводственного назначения, запасы предметов личного потребления. ...Накопление предметов потребления трудящимися при социализме представляет собой все более существенный элемент общественного богатства»¹⁰.

Для сравнения приведем понимание богатства К. Марксом: «...степень искусности наличного населения является... главным накоплением богатства, важнейшим сохраненным результатом предшествующего труда, существующим, однако, в самом живом труде». При этом «исчезает самостоятельная вещественная форма богатства, и оно просто выступает скорее как деятельность людей»¹¹.

Таким образом, категория «общественное богатство» значительно шире вещественного элемента и включает в себя уровень культуры (в широком смысле слова), образованности и квалификации работников, их знание и опыт, характер самоуправления и самоконтроля, а также степень коммуникационных связей между различными структурами производства. Но диалектика такова, что каждый способ производства имеет свою форму общественного богатства, которая ориентирует ту или иную систему отношений на ее постоянное воспроизводство и накопление. В свою очередь изменения, накапливающиеся в отношениях между людьми, подталкивают к сдвигам и в социальных ориентирах, т. е. эволюции и форм общественного богатства, которая в своем содержании имеет определенный материальный носитель. Например, капитал, возникая из товара и денег при сохранении, по существу, материально-вещественной основы богатства, поднимает все-таки последнюю на более высокую ступень — накопление капитала как отношения, втягивающего в орбиту своего действия все большее количество наемного труда и развивающего через свою жесткую систему стимулов способности каждого работника. К. Маркс пишет, что наиболее высокой ступени развития личная зависимость от вещи через «личную независимость, основанную на *вещной* зависимости» переходит в «свободную индивидуальность, основанную на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние»¹².

Следовательно, новая формация не может ориентироваться на те элементы общественного богатства, которые объективно отрицаются уже капиталистической системой. Его ценности направлены на формирование гармонично развитого человека, многообразная деятельность которого в свою очередь при разумном использовании обеспечит и рост материального благосостояния.

Но ориентация нашей экономики на рост материального продукта (будто бы главного ее богатства) деформирует социалистические отношения, не дает им возможности развития вглубь. И это является, на наш взгляд, причиной устойчивой тенденции к росту затрат и экстенсивного воспроизводства, а также приводит к другим негативным последствиям. Ведь по этой логике чем больше такого богатства, тем лучше показатели эффективности и предприятия и народного хозяйства в целом. В результате мы опередили многие западные страны по выпуску стали, минеральных удобрений, обуви, тракторов, комбайнов и др., а материальных благ у каждого члена общества не прибавилось. Скорее наоборот, ведь, кроме всего прочего, появилось чувство бесполезности своего труда, являющегося главным фактором развития личности (в ту или иную сторону).

С учетом изменений в ценностях нашего общества должна строиться и соответствующая система экономических отношений, которая бы не только творила человека с его многоплановой гаммой черт, но и воспроизводила все его социально-нравственные качества с приращением. Представляется, что в этом направлении должен осуществляться поиск и конкретных показателей эффективности советской экономики. Такая переориентация, связанная с изменением формы общественного богатства, уже сегодня поставит заслон пресловутому «валу» и приведет в действие стимулы для роста квалификации работников, осознания ими необходимости участия в управлении.

Таким образом, суть преодоления методологической односторонности в политэкономии социализма заключается в том, чтобы производственные отношения не только связывать с трудом и его результатом — вещью, а рассматривать отношения широкой и всесторонней деятельности человека. Для этого необходимо использовать весь арсенал средств из области наукоемкости, техники, информатики, психологии, социологии и других наук.

В последующем задача политической экономии со-

циализма состоит в том, чтобы, не отменяя классового принципа, поднять его на новый уровень — созидательный, т. е. посредством специфических методов выделить те классы, слои, социальные группы, которые обеспечивают поступательное движение общества вперед и производят основную массу богатства нового общества. Важно также через систему противоречий найти источник развития социализма на новом его уровне и, зафиксировав в категориях, определить формы разрешения коллизий в ходе общественного прогресса, создав на практике соответствующую систему стимулов.

Нынешние же стимулы не способствуют росту квалификации тружеников. А от нее в прямо пропорциональной зависимости находится качество продукции. Более того, существует тенденция высококвалифицированных специалистов переходить на рабочие места, не требующие такой подготовки. Не удивительно, что социологические исследования выявили следующее: именно эта категория занятых неквалифицированным тяжелым физическим трудом (их доля весьма весома в народном хозяйстве страны) является противником намеченных преобразований общества.

Как ни парадоксально, но в эпоху НТР у нас упал престиж научных работников, а если судить по последним философско-экономическим публикациям, то и уровень теоретической компетентности. Ученые оказались обособленными от производства, которое было сориентировано не на погоню за научными разработками, а всего лишь на выпуск уже освоенного продукта, считающегося главным элементом богатства.

В итоге некоторые отрасли, не подкрепленные общественной поддержкой материально и морально, ранее прочно занимавшие ведущие места в мировой науке*, начали уступать свои позиции. А это явление очень тревожно, считает П. Л. Капица: «В соревновании капитализма и социализма победит тот общественный строй, который создаст лучшие условия для развития науки»¹³. И поскольку главным действующим лицом в ней и смежных с нею

* В США на научную работу тратилось: в 1953 г. — 4 млрд дол., в 1957 г. — 8,2, в 1985 г. — 108,8 млрд дол. В СССР в соответствующие годы — 6,3 млрд руб., 13,6, 28,6 млрд руб. (Коммунист. 1987. № 13. С. 80; Известия АН СССР. Сер. Экономика. 1987. № 5. С. 11).

Япония планирует к 2000 г. довести свои расходы на науку от более 5% в настоящее время до 20% от национального дохода (Коммунист. 1987. № 15. С. 111).

отраслях является не техника*, а человек, то и наша система должна быть направлена на создание условий для развития его способностей, с одной стороны, а с другой — чтобы эта система подталкивала, побуждала, где-то даже заставляла людей повышать свою квалификацию, развивать способности, превращая их в талант. Любопытна на этот счет точка зрения известного ученого-биолога Ю. Ю. Глеба, который отмечал, что «мы обязаны пройти весь путь: от диктатуры власти к демократии, а затем дальше — к диктатуре таланта»¹⁴.

Ориентация нашей экономики на использование многообразной деятельности человека, особенно в наукоемких отраслях промышленности, обеспечит не только удовлетворение материальных потребностей, но и позволит выйти на качественно новый уровень потребления. Здесь мы, к сожалению, повторяем те зигзаги, которые продельвало буржуазное общество в процессе перехода от одного типа потребления к другому.

В отраслях, определяющих научно-технический прогресс, некоторые западные страны оказались впереди нас, что говорит о большой приспособимости капитала. Причины наших проблем в НТП многообразны, но, как представляется, главная из них скрывается прежде всего в теории, о чем уже говорилось.

Перевод стратегической цели на язык практических действий требует ее конкретизации на каждом историческом отрезке времени. Попытка на современном этапе преодолеть все проблемы, которые явственно обнаружились в свете гласности, мягко говоря, не дадут ожидаемого эффекта.

Следующее условие достижения поставленной задачи — нахождение экономических форм производственных отношений, соответствующих каждому этапу нашего развития. Дело в том, что определенный ориентир может быть достигнут лишь свойственными ему средствами. Цель — форма — содержание, находясь в диалектической взаимосвязи, предполагают при всех возможных отклонениях устойчивое соответствие между собой. Активная роль при этом отводится форме, через которую осуществляется процесс управления социально-экономической системой. Через нее реализуется скорейшее дости-

* При капитализме главный элемент производства общества нашел отражение в понятии «основной капитал».

жение цели с минимальными затратами. Однако если форма длительное время не соответствует цели объективного хода истории, то кроме нарастания и обострения социально-экономических противоречий может быть деформирована и сама цель, а также обосновывающая ее концепция. С этих позиций вполне объяснима затянувшаяся дискуссия по вопросу взаимодействия при социализме товарно-денежных и планомерных форм.

Адекватной формой достижения цели социалистического общества, выраженной в его основном экономическом законе, является планомерность. В Материалах XXVII съезда КПСС сказано: «Главное теперь в том, чтобы, используя преимущества и нарастающие возможности плановой социалистической системы, настойчиво претворять в жизнь экономическую стратегию КПСС»¹⁵.

Однако большинство ученых при различных нюансах, имеющих также немаловажное значение, едины в том, что эффективность нашей экономики, отражающей первую ступень развития коммунизма, находится в прямой зависимости от использования в рамках непосредственно общественных отношений закона стоимости. И это верно, ведь планомерность, характеризуя сущностную сторону социализма, является отношением развивающимся, обогащающимся практикой и втягивающим в орбиту своих действий другие неоднородные отношения.

Но для более плодотворного воздействия на все стороны социально-экономического развития страны требуется значительное углубление и разработка теории планомерной организации производства. Можно отметить, что именно недостаточный и поверхностный уровень исследования этой теории привел к преобладанию в экономике волюнтаристских и командных методов управления. Все это в определенном смысле дало повод усомниться в идее планомерного развития и отождествлять ее с бюрократизмом и администрированием. Преодолеть такие заблуждения, а также обеспечить выполнение намеченных XXVII съездом КПСС задач по ускоренному социально-экономическому развитию страны при новом качестве роста можно только в том случае, если усилия ученых будут направлены на разработку целостной концепции планового хозяйства и соответствующего хозяйственного механизма. С учетом этой концепции должны быть значительно углублены знания о нормативах, формах использования планомерности и их реальном взаимодействии со стоимостными отношениями, субординации

структурных элементов единого экономического центра, формах самоуправления. Пока же здесь существуют лишь самые общие представления.

- ¹ Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС// Правда. 1988. 5 июля.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 89.
- ³ Материалы Пленума ЦК КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983. С. 19.
- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 368.
- ⁵ Там же. Т. 36. С. 47.
- ⁶ Правда. 1988. 29 июня.
- ⁷ Экон. науки. 1984. № 2. С. 4.
- ⁸ Правда. 1988. 29 июня.
- ⁹ Материалы Пленума ЦК КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., 1987. С. 44.
- ¹⁰ Политическая экономия социализма — теоретическая основа экономической политики КПСС. М., 1986. С. 320.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. 3. С. 306, 446.
- ¹² Там же. Т. 46, ч. 1. С. 101.
- ¹³ Капица П. Л. Наука и общество// Коммунист. 1987. № 13. С. 80.
- ¹⁴ Известия. 1988. 24 мая.
- ¹⁵ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 227.

К. А. Белугин, аспирант

ПРОТИВОРЕЧИЕ — ОСНОВА САМОРАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ В «КАПИТАЛЕ» КАРЛА МАРКСА

Успешная реализация стратегического курса партии на ускорение социально-экономического развития страны в значительной мере обуславливается научным осмыслением реальных процессов социалистического развития. «Время ставит вопрос о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики, требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику», — подчеркивалось в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду партии. Необходимы крупнейшие прорывы в теории, поскольку иначе мы будем двигаться вслепую, действовать методом проб и ошибок.

Одним из таких результативных направлений мог бы стать анализ механизма противоречивого развития отдельного производственного отношения, этого отправного пункта политэкономии.